

Санкт-Петербург Интеллигент

Международная литературно-публицистическая газета. №1 (1), февраль 2011 г. www.gazeta-pi.ru

Газета выходит один раз в месяц. Контакты для участия и сотрудничества, E-mail: surkis@yandex.ru, provint@yandex.ru

В ДОБРЫЙ ПУТЬ!

Город Санкт-Петербург, «северная столица» России - один из красивейших европейских городов, символ многих исторических вех в летописи Российской Империи. Бывший город Ленинград пережил трагедию девятистодневной блокады, но остался городом классического искусства и вековых традиций; городом, где ковалась русская интеллигентность.

Термин: «интеллигент» происходит от латинского *intelligens* — понимающий. Слово «интеллигенция» появилось в русском языке в первой половине XIX века. Вошло в иностранные словари с пометкой «русское». В приближенном варианте к современным трактовкам слово было употреблено русским прозаиком, критиком и публицистом П.Д. Боборыкиным. В 1875 г. он подал термин в значении философском — «разумное постижение действительности». Он же осознал интеллигенцию и в социальном значении, а именно как «самый образованный слой общества».

Еще совсем недавно каждый советский человек, достигший определенного уровня морального воспитания и имеющий достаточный интеллектуальный багаж, по сути, и соотносился с понятием «Интеллигент».

Интеллигентность, как правило, определялась дипломом и наличием высшего образования. Сейчас возвращается первоначальный смысл — самый образованный слой общества. Как показывает опыт издания «Провинциальный интеллигент 1», именно так и осознают себя наши русскоязычные авторы, разбросанные по всему миру, но остающиеся носителями русской культуры.

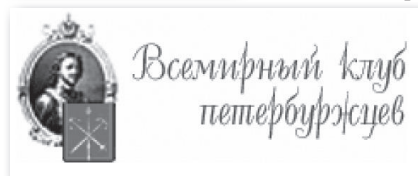
Международная литературно-публицистическая газета «Провинциальный интеллигент 1» представляет жителям г. Санкт-Петербурга и всем нашим читателям новое издание — газету «Интеллигент», составную часть газеты «Провинциальный интеллигент 1». Оно будет продолжать нести культуру и духовное творчество русскоязычных авторов, проживающих в дальнейшем и ближнем зарубежье, в разных регионах России.

Наше издание не служит площадкой для политических споров, дискуссий о культах верований, выяснений расовых и национальных превосходств. Газета «Интеллигент» будет служить возможности продемонстрировать свое творчество как начинающим авторам, так и авторам со стажем и заслугами, т.е. заявить о себе в нашем мире.

Мы будем рады исследованиям по различным тематикам, представлениям в интервью интересных творческих людей. Редакционный совет газеты — за дружеские отношения в среде русскоязычных писателей, художников, музыкантов, ученых различной национальности, живущих в любой точке земного шара. В этом суть всей концепции нашего проекта, частью которого стала и газета «Интеллигент» города Санкт-Петербурга. Еще до выпуска этого номера тесно сотрудничать с новым изданием выразили желание авторы из разных регионов страны, зарубежные русскоязычные объединения, ЛИТО и творческие коллективы. Отличие двух наших изданий в том, что авторы газеты «Интеллигент» будут проходить более серьезный редакционный отбор; их работы, при необходимости, будут не только откорректированы, но и направлены квалифицированными редакторами. Это не означает, что в издании «ПИ 1» корректура и редакционный отбор отсутствуют, про-

сто отбор авторского материала имеет, так сказать, щадящий барьер к пропуску для публикации.

В новом издании мы постараемся сделать более серьезный фильтр по уровню самих работ, а не по наличию званий или неких заслуг авторов в части их прежних творческих изысканий и достижений. Любой автор сможет ознакомиться с материалом, который пойдет в печать, связаться с главным редактором газеты «Интеллигент» Феликсом Суркисом, согласовать те возможные поправки, которые будут вноситься. Вот так, собственно, мы и представили читателям Главного редактора нового издания «Интеллигент» города Санкт-Петербурга [e-mail surkis@yandex.ru]. Основная и постоянная площадь в новом издании будет за авторами из города Санкт-Петербурга. В настоящее время приглашение к сотрудничеству с новым изданием по-

лучили московские авторы из МОССА-ЛИТА (Московского салона литераторов) — председатель Ян Кауфман, его заместитель Ольга Грушевская, Международная Ассоциация Граждан Искусства (МАГИ) под председательством Светланы Дион (Испания, город Мадрид), Всемирный клуб Петербуржцев, президент — директор

Государственного Эрмитажа Михаил Пиотровский, а председатель правления — Валентина Орлова. Также Нью-Йоркский Клуб Русских Писателей, ЛИТО писателей Израиля...

Конечно же, основная роль в издании принадлежит его учредителям и разработчикам всего проекта в целом, а это — Алексей Ильин, Игнат Силкин и Сергей Пашков. Со стороны учредителей никакого диктата на новое издание не будет, как его собственно никогда и не было, если авторы придерживаются рамок концепции. Роль учредителей сводится к координации и налаживанию печати данного издания, т.е. его становлению. Мы надеемся, что за полугодовой выпуск новой газеты все вопросы по периодичности издания и занимаемым площадям авторских материалов будут отлажены.

Наш проект довольно-таки молодой: ему около трех лет, но за такой короткий период учредителям пришлось пройти через жесткое сопротивление и полное равнодушие сегодняшних чиновников.

Вот собственно и все, что мы хотели донести до авторов и читателей нового издания — газеты «Интеллигент» г. Санкт-Петербурга.

В добрый путь - всем! Авторам - творческого вдохновения, читателям интересной и приятной духовной пищи.

Учредители газеты «Интеллигент» города Санкт-Петербурга:
Алексей Ильин, Игнат Силкин, Сергей Пашков.

ЭТО НАЧИНАЛОСЬ В ЛЕНИНГРАДЕ...

На полке у меня стоит машинописная книга большого формата. Формата А4, как говорят сейчас. Четвертая или пятая бледная машинописная копия. Ни о каких компьютерах и принтерах тогда и слыхом не слыхали. 1954 год, «Сборник стихов ленинградских студентов. По материалам общегородского вечера студенческой поэзии». Таких вечеров было, помнится, три. Проходили они в зале Политехнического института. Не в московском Политехническом музее, а здесь, у нас, в Сосновке, в Ленинграде, начинался поэтический «бум», захвативший два последующих десятилетия. Машинописный сборник — отчет о первом из таких вечеров, состоявшемся в пятьдесят четвертом, поныне стоит на моей полке. Там в разные годы читали свои стихотворные опусы будущий педагог Александр Кушнер и «военмеховец» Лев Гаврилов, студент «техноложки» Евгений Рейн и курсант-авиатор Вячеслав Кузнецов, медик Марк Пайкин и электротехник Виктор Берлин — всех не перечислишь. Но «погоду», по общему признанию, во многом делали две соперничавшие школы: Университет и Горный институт. «Когда возникнул мир цветущий из равновесия диких сил...» — с улыбкой процитировал после одного из таких вечеров строки Баратынского поэтический наставник «горняков» — Глеб Семенов. И пояснил: «Дикие силы» — это Университет и Горный, а «мир цветущий» — получившийся в итоге вечер. Соперничество было и впрямь нешуточным. Стоит ли вспоминать о нем сегодня? Полагаю, что стоит. Потому что, что из рядов и одного, и другого ЛИТО (так, для краткости, именовались и именуются литературные объединения) вышли довольно известные в дальнейшем писатели, преимущественно стихотворцы. Многие и для многих определялись еще тогда, в далекие юношеские годы. Недаром десятилетия спустя, уже в XXI веке, в коллективном мемуарно-поэтическом сборнике «Под воронихинскими сводами» (напомню тем, кто запомнил: здание Горного института воздвигнуто архитектором Андреем Воронихиным — строителем Казанского собора в Петербурге) Владимир Британишский писал: «Горный и университет традиционно воевали на Васильевском острове, как когда-то до революции реалисты и гимназисты. А уж тем более враждебно было нашему ЛИТО официально-ортодоксальное ЛИТО универсантов». Надо же: за добрых полстолетия дух конфронтации не выветрился!

Наверное, в словах «враждебно», «официально-ортодоксальное» есть некоторый перебор. Но что верно, то верно: мы, университетские, действительно были до поры до времени более «правильными», более «идейно выдержанными», как говорилось тогда. Может быть, отчасти потому, что большинство пишущих «универсантов» были филологами, филфак же, а тем более входившее тогда в его состав отделение журналистики, были учреждениями идеологическими. Не то чтобы мы клялись на каждом углу пятью принципами социалистического реализма — чувства юмора у нас и тогда хватало, — но всё же воспитывали нас во вполне определенном духе. И не только на лекциях и семинарах по основам марксизма-ленинизма, как это было везде, но и в процессе преподавания главных, профилирующих предметов. Причем осуществляли это далеко не всегда люди бездарные и насквозь конъюнктурные, как это порой представляется сейчас. Вспоминаю, как провожали аплодисментами после каждой лекции по советской литературе доцента Евгения Ивановича Наумова — пока, наконец, он не обернулся однажды в дверях и не сказал раздраженно: «Прекратите, здесь не театр!». Театр не театр, но определенный артистизм нашему преподавателю был определенно не чужд. Он замечательно читал стихи — не забуду, как эффектно завершил он один из своих «часов» светловским «Меркурием»:

«Ночь звенела стременами, волочились поводья, и Меркурий плыл над нами — иностранная звезда». Может быть, отчасти и с его легкой руки Михаил Светлов вошел в число любимых наших поэтов. Мы упоенно пели романтическую студенческую песню из его пьесы «Сказка» («Наше мужество мы считаем самой главной из дисциплин»), пытались петь и то, что изначально песней не было: «Ночь стоит у взорванного моста, конница запуталась во мгле, парень, презирующий удобства, умирает на сырой земле» (на мотив «Трех танкистов»). Нашими кумирами были Луговской, Тихонов, Багрицкий. Был настоящий культ поэтической эрудиции. Знаменитых «Зодчих» долго не переиздававшегося Дмитрия Кедрина я запомнил наизусть, как и некоторые другие стихи, не из книги, а с голоса моего однокурсника Валентина Горшкова. Из современников-ленинградцев ценились Вадим Шефнер, Михаил Дудин, в особенности его военная книга «Переправа». Книга, надо сказать, и впрямь незаурядная, успевшая выйти в короткий и удивительный, донные малоизученный период между Победой и появлением известного постановления 1946 года «О журналах «Звезда» и «Ленинград». Имя «великого вождя и учителя» упоминалось на ее страницах всего один раз, да и то в каком-то невнятном контексте, в связи с гражданской войной: «Оставив карту, шел в окопы Сталин, покусывая трубку и усы». И никаких славословий. Передавалась из рук в руки единственная тогда, вышедшая еще в 1948 году, книжка Семена Ботвинника «Начало»: «Я не должен думать про тебя. Мечутся автобусы, труба, дребезжат трамваи, и в тумане фонарей игольчатая дрожь. Мы живем с тобою не в романе, тут концы с концами не сведешь...».

Имелось тут одно немаловажное обстоятельство: наше литературное объединение было чуть «старше» горняцкого. И по собственному своему «возрасту», и по возрасту своих лидеров. Сегодня можно сказать: подумаешь, четыре-пять лет разницы! А тогда, в пятидесятых, этим многое определялось. Была определенная дистанция между тем, к примеру, кому исполнилось двадцать лет в пятидесятом году или даже в пятьдесят третьем, когда полстраны рыдало над гробом «вождя и учителя», и тем, кто достиг того же возраста в пятьдесят шестом, в год XX съезда с его ошеломительными разоблачениями. Ошеломительность была даже не в самой будто бы внезапно открывшейся правде — мы не были слепы, и о многом знали на опыте собственных семей, — а в том, что о «запретном», скрываемом, даже опасном стало возможно говорить не шепотом, а вслух.

К чести своих университетских однокашников, должен сказать, что их «правильность» и — пусть уж даже так — «ортодоксальность» отнюдь не носили карьеристского характера. Попытки сочинять что-то сугубо конъюнктурное, к датам красного календаря, высмеивались безжалостно, виновные в этом грехе долго потом каялись: «Бес попутал!». И вообще, стремление печататься не одобрялось. Хотя писали лучшие из нас уже на уровне вполне профессиональном. И с точки зрения идейного содержания — вполне «проходимое». «Правильность» преобладала даже в стихах сугубо лирического свойства. Многие из них я поныне помню наизусть. Например, стихотворение «Костер» одного из старших моих товарищей — Владимира Сергеева.

Палатки замерли во сне,
А этот бойкий непоседа
Надолго задержал нас с ней
Своей непрошеной беседой.

Сначала он позвал меня:
«Послушай, брось грустить, не надо!
Присядь у моего огня:
Та — далеко, а эта — рядом.

**Тебе с ней будет хорошо,
Так не упрямься же, смелее...». Я осторожно подошел
И сел на камень рядом с нею.**

**«Теперь начни с ней разговор.
Смотри, как взор ее стал нежен...». Она привстала и в костер
Подбросила сухих валежин.**

**По косогору ключья тьмы
Метались, подступить не смей.
Когда б не он, едва ли б мы
В ту ночь сидели рядом с нею.**

**Чуть озарились гребни гор,
Мы снова собрались в дорогу,
А неумный наш костер
Еще дымился понемногу.**

**«Залей, чтоб не было беды!» –
Сказал мне кто-то из отряда.
Я взял ведро, принес воды
И потушил его. Так надо.**

Современная читательница, прослушав эти стихи, Жизнерадостно расхохоталась: «Посидели рядышком – и только-то? И столько переживаний по этому поводу?». А наши одноклассники когда-то переписывали сергеевские строки в свои заветные тетрадки. Не исключено, что где-нибудь рядом со щипачевским «Любовью дорожить умейте...» – кстати, вовсе не такими уж плохими, при всей своей бесхитростности, стихами. Как видно, дидактическая, «нормативная» лирика тоже имеет право на жизнь. Другое дело, если кто-то начинает требовать, чтобы вся поэзия была такой и только такой. Но плохо, между прочим, и обратное: когда кто-то, подчас очень известный и талантливый автор, категорично утверждает, что поэзия никого и никогда не должна ничему учить. Это тоже догма, а догм поэтическая стихия не терпит. Сейчас, когда литература, именующая себя мейнстримом, в очередной раз бравитурит интеллектуальной и нравственной безответственностью, вдруг обнаруживается спрос на простые и понятные заповеди, даже на некий, простите, указующий перст. «Все писатели – преподаватели, в педагогах служит поэт. До конца еще мы не растратили свой учительский авторитет...» – это ведь не Щипачев сказал, а Борис Слуцкий. Тот самый, поэзию которого, тогда еще только-только пробивавшуюся к читателю, равно ценили и «горняки», и «универсанты»..

Был, кстати, период, когда литобъединение Университета, руководимое в разные годы разными ленинградскими поэтами (дольше всего – Леонидом Хаустовым), почти безраздельно лидировало в молодой поэзии города. Горняк Лев Куклин – сверстник наших старших товарищей – именно сюда приносил на обсуждение свои экстравагантные по тем временам стихи, составившие потом основу его первой книжки «Соседям по жизни». И представитель более юной поросли Олег Тарутин, тогда первокурсник Горного, тоже однажды примчался на филфак в поисках самоутверждения, читал на очередном нашем заседании свою юношескую, пожалуй, даже мальчишескую лирику, с вызовом вскидывая белобрысую голову. И был, между прочим, встречен весьма благожелательно:

**От волнения прутик кусая,
На девчонку мальчишка глядел.
Покусаешь! Ну что мог сказать я,
Растеряв красноречье свое,
Этой девочке в простеньком платье
И веселым глазикам ее! –**

процитировал гостя один из наших признанных лидеров, поэт и беспощадный критик с юрфака Юра Голубенский. И поднял многозначительно палец: «Сказать глазика – это уже что-то сказать!».

Но так было недолго. Шло время, менялась жизнь – и, как бы совпадая с процессом ее обновления, складывалась у горняков, под руководством пришедшего к ним поэта и замечательного педагога Глеба Семенова, своя поэтическая школа. Не уступая нам в начитанности, они были раскованнее нас, их сознание не было регламентировано академическими догмами. Из своих экспедиций они привозили не только коллекции геологических образцов, но и живые впечатления от встреч с большим миром. Тот же Борис Слуцкий – по моему глубокому убеждению, один из умнейших людей России XX века – писал тогда: полезно проследить, в каких «запасных полках» формируется каждое новое поколение отечественной поэзии. Было, продолжал он, поколение филологов – профессорские сыновья Александр Блок, Андрей Белый,

Сергей Соловьев, ныне приходит поколение геологов, горных инженеров. «Чернорабочей интеллигенции», как назвал их Лев Куклин (это я уже от себя добавляю). Наверное, была тут своя закономерность.

У горняков появлялись свои лидеры. Прежде всего – Владимир Британишский и Александр (Алик, как говорили мы тогда) Городницкий. Смолodu они были даже в чем-то похожи друг на друга: оба примерно одного роста, стройные, ладные, обоим удивительно к лицу горняцкая форма. Только на Городницком, еще не открывшем в себе песенника, а просто пишущем красивые романтические стихи, она всегда как с иголочки, золотой позумент на погончиках сверкает даже в пасмурную погоду. А на Британишском такой же китель выглядит слегка потертым, я бы сказал, изысканно потертым, погоны, кажется, вообще спороты, весь облик дышит аскетизмом и правдоискательством. Рядом с ними – Олег Тарутин, Леонид Агеев и другие талантливые ребята. И уже не горняки ходят искать признания на филфак – наоборот: природная филология, в дальнейшем аспирант Пушкинского Дома, Нина Королева приближается к «геологической» команде, находя именно там родственные, ищущие души. Прибился туда же и невесть откуда взявшийся Глеб Горбовский, парадоксальный, неуправляемый, числившийся тогда в каком-то техникуме, ходивший потом рабочим в геологические экспедиции, обездвигивший чуть ли не всю страну, но так ничего в итоге и не окончивший – поэзия была (да и осталась) для него всем: и школой, и университетом, и службой, и тайным прибежищем. Кажется, ни в одной из книг он почему-то не перепечатывал свое стихотворение «Шаг», мелькнувшее лишь однажды в коллективном сборнике:

**Мягкий асфальт мнут каблук.
Я – на завод. Я – на вокзал.
Я ускоряю взмахи-шаги.
Я забываю про тормоза.**

**Улица – луч. Площадь – квадрат.
Я измеряю собой Ленинград.
Я настагаю шагами успех.
Шаг – это лучшая мера из всех.**

Человек измеряет мир не условной заданной мерой, но – собой. Человек есть мера всех вещей – ау, старик Декарт! По-моему, это ключевое стихотворение Горбовского. И не только его.

У большинства же из нас, воспитанных на категоричном «так надо», захватывало дух, когда на очередном литературном вечере поднимался на сцену Британишский и чеканил классическим четырехстопным ямбом:

**Мне запах школы ненавистен,
Не выветрится, хоть умри.
Обоями газетных истин
Оклеен череп изнутри...**

Ух ты! Да неужто же так можно? Ведь в ушах еще звучит знакомая мелодия: «Под звуки вальса плавные мы вспомним годы славные, любимые и милые края, тебя с седыми прядками над нашими тетрадками, учительница первая наша...». Нет, пожалуй, и впрямь слишком уж он сладок, этот «Школьный вальс»! Наши отношения с родной школой были всё-таки не столь умирительно-идиллическими. Или – так надо? Или – надо всё-таки не так?

Не следует, однако, думать, что ребята из Горного были тотальными нигилистами, во всем разуверившимися скептиками или циниками. Или – уже тогда готовыми диссидентами. И слова-то в ходу такого не было. Точнее, оно существовало, но дремало где-то на страницах исторических сочинений, обозначая, если не ошибаюсь, каких-то разошедшихся с официальной церковью священников в старой Англии. А у наших сверстников речь шла скорее о чистоте революционных идеалов, об очищении самого передового в мире общества от всякого рода примазавшихся «других». Было такое сильное стихотворение у Британишского – «Другой»: «Не из другой какой страны, не пережиток старины, из наших мест, из наших дней – такой Другой куда страшней...». Очень глубокое и прозорливое стихотворение. Но существовало рядом с ним и стихотворение «Спина», где речь шла о некоем старичке в бане, убежденном, что «в жизни главное – спина»:

**«... Бог для старого солдата
Создал голову и грудь,
Но пришлось ему когда-то
На хозяев спину гнуть.
А теперь хозяев нету,**

**И порядок стал иной.
Мы укроем землю эту,
Спрячем за своей спиной!
Так что пусть нам не мешают...
Ну, прощай! Бывай здоров!...». И зачем к нам приглашают
Лекторов –
Всяких, штатных и нештатных,
Но всегда, конечно, платных,
В каждом слове аккуратных
Лекторов?..**

Цитирую по памяти эти старые строки не для того, чтобы припомнить поэту его прежние – с чьей-то нынешней точки зрения – грехи. А для того, чтобы подчеркнуть: свободомыслие рождалось не из нигилизма, не из цинизма, в его истоках – демократические убеждения, патриотизм, идеализм, если угодно.

Сами же идеалы казались тогда высокими и незбылемыми. Свидетельством тому громовое стихотворение Британишского «Ракочи-марш», посвященное тогда «студентам – слушателям филармонии»:

**Зажмурились мои соседи,
Изысканные старички,
Когда раздался голос меди,
Срывая с привязи смычки.**

**А дирижер забыл про позу,
Изящный жест, красивый взмах.
И впрямь – нужны ли Берлиозу
Мужской кивок и дамский «ах»?**

**Маэстро вспыхнул на мгновенье,
Он стал рубить, он стал грубей.
Звенят разорванные звенья
Веками кованых цепей.**

**Грохочет где-то канонада,
Берутся приступом дворцы.
Уже, пожалуй, крикнуть надо:
«Ура, венгерцы, молодцы!»**

**Пусть шепотом эстет бранится,
И кто-то сдержанно молчит –
Как раз вот эта за граница
В сердцах мальчишеских стучит.**

**Победа боем барабанным
Венчает баррикадный бой.
Ведь Революция всегда нам
Мечталась только мировой.**

**Мы Октябрем горды по праву,
Но только нищие душой
Не празднуют чужую славу,
Не рады радости чужой.**

Вот так-то: «мы Октябрем горды по праву». Другое дело, что через год после написания этих стихов в них обнаружилась скрытая «мина»: строчка «ура, венгерцы, молодцы» неожиданно стала крамольной - грянули венгерские события. Вроде бы, случайное текстуальное совпадение. Но нет: таково было время, ломались привычные стереотипы. Воспитанные на революционной романтике, мы были убеждены, что бунтарь всегда прав, хранитель устоев, тем более каратель – нет. А тут стихия бунта, энергия сопротивления обернулась против нас, по крайней мере, против страны, с которой мы себя привыкли отождествлять. Мир перевернулся: сама «Песня о Буревестнике» могла прозвучать в таких условиях крамольно!

Естественно, что многое в творчестве славной горняцкой ватаги, «Глеб-гвардии Семеновского полка», как они любили себя называть, стало казаться кому-то всё более подозрительным, слишком раскованным, слишком, как это ни странно... демократичным. Тираж их второго коллективного сборника, отпечатанный на институтском ротаторе, был сожжен по распоряжению парткома во дворе, чем, надо сказать, авторы впоследствии немало гордились. А мы, университетские, признавая уже несомненное лидерство наших «соперников», чему-то у них учились, с чем-то спорили, что-то в себе отстаивали. Впрочем, большинство из нас вскоре надолго разлетелось по стране: на Чукотку отправился автор «Костра» Володя Сергеев, в Туркмению – Юрий Рябинин, в Хакасию – Майя Борисова. Там, во глубине России, ждали нас свои литературные споры и страсти, подчас не менее бурные, чем в столицах. Я подписал распределение в Новосибирск и вскоре, работая в областной газете, взялся вести молодежное литобъединение, на занятиях которого увлеченно «обчитывал» своих студийцев стихами моих ленинградских сверстников. В том числе, конечно, и горняков...

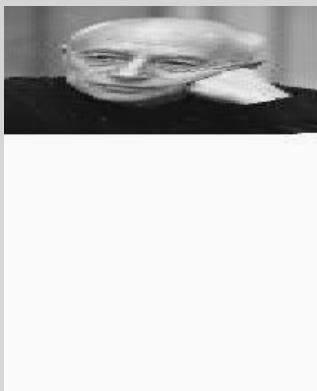
Илья ФОНЯКОВ

С октября прошлого года я начал представлять читателям «Провинциального интеллигента 1» петербургские литобъединения. В следующих номерах представления будут продолжаться. Но в какой-то момент подумалось, почему мы начали показ литературных достижений Питера именно с этих ЛИТО? Ведь не с них же началась молодая Санкт-Петербургская, точнее - еще Ленинградская литература? Удобный случай вспомнить об этом в первом номере нового издания «Санкт-Петербург. Интеллигент».

Расцвет современной ленинградской прозы и поэзии пришелся на середину прошлого века. Тогда гремели в городе и жестко конкурировали между собой ЛИТО Ленинградского Университета и ЛИТО Горного института.

По нашей просьбе, об этом времени написал в своей статье известный ленинградский-петербургский журналист и писатель Илья Фонаков. Осталось только добавить стихи поэтов, начинавших тогда свой путь. Открывать имена, естественно, начать с одного из самых именитых.

Феликс СУРКИС

Александр ГОРОДНИЦКИЙ

Александр Моисеевич Городницкий не нуждается в особом представлении. Геофизик. Доктор геолого-минералогических наук. Профессор. Академик Российской Академии естественных наук. Автор более 270 научных работ. Наряду с научной деятельностью широко известен как поэт и автор песен. Член Союза московских писателей и Международного Союза писателей-маринистов. Президент Ассоциации Российских бардов.

Им опубликовано 34 книги стихов, две книги мемуарной прозы и несколько десятков дисков с авторскими песнями.

* * *

**Жизни невозвратные моменты
В ослабевшей памяти храня,
Признаюсь, что солнечная Брента
Не манит, как в юности, меня.
Мне милей со временем иное –
То, что от рождения узнал, –
Невских вод дыханье ледяное,
Старый Грибоедовский канал.
Старику, впадающему в детство,
Новая любовь не по годам.
Я поклонник северных венеций –
Петербург, Стокгольм и Амстердам.
Где дождями частыми омыты,
У просторов Балтики седой,
Челюсти из финского гранита
Сжаты над свинцовой водой.
В том краю, где вечно небо хмуро,
И неколебимы холода
Эти черно-белые гравюры
Врезаны мне в сердце навсегда.
Я хочу, судьбе попавши в невод,
Умирая неизвестно где,
Над собой увидеть это небо,
В серой растворенной воде.**

13.11. 2010

* * *

**Камнем опоясанные воды,
Шпили подпирают облака.
Города похожи на народы,
Повторив их облик за века.
Не всегда бывает так, и всё же,
Из картин известный и былин,
Стал Париж на Францию похожим,
Или на Германию Берлин.
И кого сегодня ни спроси я,
Кто какие ни найдет слова,
Стала воплощением России
Воровская шумная Москва.
В разных странах и краях различных
Это сходство, видимо, найдешь.
Только Питер западным обличем
На страну родную непохож.
Облачен в гранитные одежды
Он стоит над водами Невы,
Воплотив петровские надежды,
Неосуществимые, увь.**

14.11. 2010

ПРОЩАНИЕ С ТРАМВАЕМ

Прощай, трамвай, прошла твоя пора.
Ты вровень стал с ненужными вещами.
Тебе вчера лишь оды посвящали,
А нынче выгоняют со двора.
Прощай, трамвай, не надо лишних слов.
Ты в прошлое ушел. Не на тебе ли
Сквозь питерские черные метели
Летел навстречу смерти Гумилев?
На рубеже изменчивых времен
Не ты ли вызывал в сердцах стесненных
Церквей, большевиками разоренных,
Из детства возвращенный перезвон?
В блокадные лихие времена,
Будя людей неугомонным звоном,
Внушал ты горожанам истощенным, —
Мы победим, и кончится война.
Прощай, трамвай, тебе уж не звенеть
По площадям и набережным старым.
Тебя автобус не заменит впредь,
Бензиновым чадающий перегаром.
Забуду ли мальчишеских времен
Былой азарт? По островам зеленым
Ты двигался к футбольным стадионам,
Обвешанный людьми со всех сторон.
В далекие студенческие дни
Ты неизменно доставлял нас к цели,
Через дожди, туманы и метели
Светили разноцветные огни.
Теперь к поре не возвратишься той,
Когда во тьму мы вглядывались зорко,
Где шла зеленоглазая «семерка»
И желтоглазый шел «двадцать шестой».
Прощай, трамвай, ты устарел давно.
С тобою завтра встретимся едва ли.
Те парки, где трамваи ночевали,
Распроданы теперь под казино.
Прощай, трамвай, скорее уезжай.
Твой звон я не услышу спозаранку.
Ты вытеснен сегодня за Гражданку,
За Купчино, за Охту, за Можай.
Прощай трамвай, судьба твоя темна.
Мы оба — уходящие натуры,
Два персонажа той литературы,
Которая сегодня не нужна.

18.11. 2010

КОМЕНДАНТСКИЙ АЭРОДРОМ

Владимиру Соловьеву

В прошлый век попасть нам не удастся,
Где сходили зрители с ума.
На аэродроме Комендантском
Девятиэтажные дома.
Здесь когда-то, разорвав туманы
Над Невой, медленной рекой,
«Ньюпоры» взлетали и «Фарманы»,
Русскою ведомые рукой.
На Земле пора теперь иная,
В синем небе самолетный гром.
Отчего я снова вспоминаю
Комендантский тот аэродром?
Над травой утренней росистой
Медленный кружит аэроплан.
Слава авиаторам российским,
Путь открывшим в пятый океан.
Поглазеть на этакое чудо
Праздный собирается народ,
И бегут мальчишки отовсюду,
И труба веселая поет.
Гул мотора совпадает, ровен,
С радостным биением сердец.
В дальнем белорусском Могилеве
Год назад родился мой отец.
Безмятежно питерское лето,
Облака седые холодны.
Никаких еще бомбежек нету,
И блокады нету, и войны.

21.11. 2010

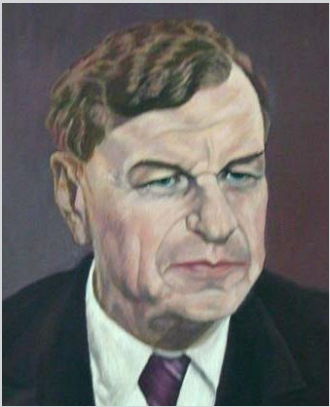
ПАМЯТИ БЕЛЛЫ АХМАДУЛИНОЙ

Через реку времен устало
Гонит лодку Харон седой.
Мы Ахматову помним старой,
Ахмадулину — молодой.
Старость так к ней и не пристала,
Не коснулась ее лица,
Хотя было ей лет немало
В год, когда она умерла.
Разрушаются пьедесталы
Окружающею средой.
Мы Ахматову помним старой,
Ахмадулину — молодой.
Этот взгляд из-под черной челки,
Опьяняющий без вина,
Эта стать озорной девчонки
Без оглядки на времена!
В ожидании ледостава
Чайки кружатся над водой.
Мы Ахматову помним старой,

Ахмадулину — молодой.
Этот стих, неизменно звонкий,
Чья немерена глубина!
Этот голос высокий, тонкий,
Как натянутая струна!
И покуда рокочут струны
Над серебряною водой,
Ахмадулина будет юной,
Не стареющей, молодой.

06.12.2010

В горном институте выходило немало поэтических сборников. Кое-что из творчества авторов, начинавших в середине прошлого века, удалось отыскать. Не только студенты были не чужды поэзии.

Иларион ШАФРАНОВСКИЙ

Иларион Иларионович Шафрановский (1907–1994) — Почетный академик Российской академии естественных наук (РАЕН), заслуженный деятель науки России, почетный член минералогических обществ России и Украины, лауреат премии Е.С.Федорова. Заведующий кафедрой кристаллографии Ленинградского горного института с 1946 по 1984 г. В 1982 г. именован И.И. Шафрановского был назван новый минерал шафрановскит (shafranovskite), открытый в проявлениях Хибинского и Ловозерского массивов (Кольский п-ов, Россия). Автор ряда поэтических трудов, в том числе, перевода «Фауста».

АРИСТОТЕЛЬ И ПРОСТОФИЛЯ

Насекомые — класс беспозвоночных животных типа членистоногих. На груди обычно 1-2 пары крыльев и 3 пары членистых ног.

Энциклопедический словарь

«Восемь ног у насекомых» —
Отчеканил Аристотель.
Словеса его — законы:
Восемь ног — на том и стойте!

И столетье хор учёных
В толкованьях многотомных
Повторял о насекомых:
«Восемь ног у насекомых»...

(Неподсуден Аристотель!
С Аристотелем не спорьте!
Новых выводов не стройте —
Восемь ног — на том и стойте!)

Но какой-то Простопфиля
Вдруг отметил то, что есть:
«О восьми вы нам бубнили,
Я же вижу только шесть!»

Зашипели злобно старцы
«Заточить паршивца в карцер!
Не давать ни пить, ни есть!»
— Ну, а ног-то всё же шесть!

О, история науки! —
Стариковские потуги
И, — как молния сквозь пыль, —
Вспышки юных Простопфиль!

Сборник «ДРУЗА», Л., 1990

СТУДЕНТЫ И НЬЮТОН

...сохранился рассказ, что лекции Ньютона успеха у студентов не имели, плохо понимались и плохо посещались. Иногда Ньютон будто бы просто не находил слушателей в аудитории и возвращался домой.

С.И. Вавилов

Плод яблони со древа падает;
Закон небес постигнул человек!

Е.А. Баратынский

Не слушали студенты Ньютона,
Глумясь над париком и мантией, —
Тянул он нудно и запутанно
Свою заушь по математике.
Ох, и тошнѣхонько же юности
Проглатывать такие трудности! —

Ведь нет ни капельки романтики
В колючих дебрях математики...
А Ньютон, потрясая космами,
Делился чудом с желторотыми:
В углу — за пыльными ретортами
И фолиантами истѣртыми —
Рождались... ИНТЕГРАЛЫ КОСМОСА!

/Сборник «ДРУЗА», Л., 1990/

Вадим ТАРУТИН

Тарутин Вадим Аркадьевич (1931–2010) окончил Ленинградский горный институт, работал на аэрогеофизических съёмках почти во всех регионах Союза.

Публиковать стихи разных лет рискнул только на пороге пенсии.

* * *

Уран, вольфрам, свинец, слюда,
Нефть, фосфориты и бокситы,
Мошка и комары, слепни, москиты,
Фаланги, змеи, каракурт...
Тува, Алтай, Памир, Усть-Юрт,
Весь Казахстан, Алдан-Витим,
Весь Енисей и иже с ним.
И вот уж ртуть, сурьма, титан,
По «редким» — план, по меди — план,
И вновь слюда, и нефть, и газ...
Урал, Камчатка и Кавказ,
Карело-Кольский регион.
Россия-мать (со всех сторон):
То — Пятигорск, а то — Инта,
То — Лоухи, то — Элиста.

/Сборник «НЕГАСНУЩИЙ КОСТЁР», М., 1998/

* * *

В бетонный пирс стучит прилив
Чугунною волною,
Ревѣт вода, гудит залив
И пеной берег моет.

Удар волны — всего лишь миг
Меж взлѣтом и паденьем.
Удар волны — всего лишь вскрик
В шумов коловращении.

Гудит над волнами набат
Скрипит и стонет берег...
Соседи в стену мне стучат:
«Глуши, «романтик», телек!»

К экрану кресло подкатив,
Я замер отрешѣнно.
Гудит волна, ревѣт залив
И катит непреклонно.

/1985. Сборник «НЕОКОНЧЕННЫЕ
МАРШРУТЫ», СПб., 1992/

Олег ТАРУТИН

Тарутин Олег Аркадьевич (1935–2000) окончил геологоразведочный факультет Ленинградского горного института. Во время учёбы занимался в литобъединении Горного института, которое вёл Глеб Семёнов. Дебютировал стихами в 1956, выпустил первую книгу в 1965. Работал по специальности геологом. Участник трёх советских антарктических экспедиций: 16-ой (осень 1970 — весна 1971), 17-ой (осень 1971 — весна 1972), 19-ой (осень 1973 — весна 1974). С июня 1977 по август 1978 работал по контракту в Иране в качестве советника-геолога.

В последние годы жизни бедствовал, работал вахтѣром. Умер от рака лёгкого.

Издal около десятка остроумных книжек для детей («Верные лапы», «Что лежало в рюкзаке?», «Это было в Антарктиде», «Тридцать два богатыря», «Мы идем по «Эрмитажу» и др.). Мало кто знает, что он был блестящим и беспощадным эпиграммистом.

ОТТЕПЕЛЬ

Капли шрапнельные пули
Стучатся в заржавленный лист.
Моржовые бивни сосулек
Ощерил знакомый карниз.

Войду ли,
уйду, ли,
смогу ли,
подрежу ли корни быльё?
Капли излѣтные пули
впиваются мокро в скамью.
Ах, оттепель — это напрасно:
февраль —
и промокшая дверь...

Так было морозно и ясно,
и так всё неясно теперь.
Покоя и ясности мне бы...
А их — ни вблизи, ни вдали,
меж плоскою рыбиной неба
и плоскою рыбой земли.

/Из книги стихотворений
«Часовые пояса», Л., 1986 г./

Глеб ГОРБОВСКИЙ

Горбовский Глеб Яковлевич род. в 1931-м. Один из поэтических лидеров ЛИТО, лауреат Гос. Премии РФ, действительный член Академии российской словесности, кавалер ордена «Знак почета». Русский поэт, писатель. Член Русского ПЕН-центра (1996).

Родился в учительской семье. Отец был репрессирован в 1937. Поэт позже вспоминал, как он скитался по детдомам, пока мать с отчимом не нашли его и не определили в ремесленное училище. Из училища он попал в колонию для несовершеннолетних преступников в городе Маркс, совершил удачный побег. Добрался до Ленинграда, но мать с отчимом к тому времени переехали в Новосибирск, и Горбовский уехал в Костромскую область, где преподавал в сельской школе его ссыльный отец, который помог ему оформить паспорт и окончить семилетку. После армии поступил в Ленинградский полиграфический техникум, откуда был отчислен через два года. Занимался в литературных объединениях сначала в Доме культуры профтехобразования у Давида Дара, затем у Глеба Семёнова в Горном институте. В литобъединении Горного института познакомился с Лидией Гладкой, которая стала первой его женой и с которой он потом уехал взрывником в геофизическую экспедицию на Сахалин, где проработал несколько лет.

Стихи начал писать в шестнадцать лет, в армии писал песни, одна из самых известных — «Сижу на нарах, как король на именинах». Первая публикация стихов — в волховской районной газете «Сталинская правда» (1955). Первая книга вышла в 1960. Член Союза писателей с 1963. С 1974 пишет также прозу. Написал либретто оперетты «Гори, гори, моя звезда» на музыку С. Пожлакова.

Стихам Горбовского присущи приятная музыкальность и намеренно простой подбор слов и рифм, его строки обретают глубину благодаря широте обзора и необычности ассоциаций.

* * *

Родную землю и камень любит
пичужка, кошка и лютый зверь,
весной, по молодости, и в холод лютый...
А я люблю её и теперь.

Теперь, когда на плечах мозоли
от лямки жизни... Когда испуг
во встречных взглядах. И столько боли,
и свищут пули, хоть мир вокруг.

Когда мертвеют заводы, пашни,
в чужие страны — исход и бег.

...В родную землю - и лечь не страшно.
Страшней- утратить её навек.

/1998. Из книги стихотворений
«Окаянная головушка», СПб., 1999/

Гость номера

“Ощущение фальши – в звуке, слове, эмоции – мучительно...”

Интервью с Игорем Лукштом

Игорь Лукшт

Родился в 1950 году в г. Баку, закончил Московский авиационный институт, позже Московское высшее художественно-промышленное училище им. С.Г.Строганова (мастерская скульптуры).

Скульптор, член Московского и Российского союзов художников, профессор кафедр академического рисунка Строгановской художественно-промышленной академии и школы-студии МХАТ.

Публикует стихи на “Поэзия.ру”, “Стихи.ру”, “Рифма.ру”, “Литконкурс.ру”, “45-я параллель” и др.

Лауреат международных конкурсов: “Поэзия 2006”, “Вся королевская рать” (2006, 2007, 2009), “Серебро слова - 2006”, “Серебряный стрелец” (2009, 2010), поэтических конкурсов им. Петра Вегина (2009) и Льва Лосева (2010). Финалист Волошинского международного конкурса (2005, 2006, 2008).

С Игорем Лукштом беседует член Московского салона литераторов, писательница Ольга Моисеева

– На вашей авторской странице на Моссалите (www.mossalit.ru) есть информация о том, где вы получили профессию скульптора. А как вы пришли к поэзии? Когда написали первое стихотворение?

– Первое серьёзное увлечение поэзией и робкие попытки в стихосложении – девятый класс школы, впрочем, совершенно графоманские, так что без слёз не вспомнишь. Учёба в МАИ и последующие годы инженерства – время поиска и пробы сил в различных творческих амплуа. В результате – поступление в 1980 году в Московское высшее художественно-промышленное училище им. С.Г.Строганова, на отделение скульптуры. Именно там, в восьмидесятые годы, были сделаны и первые шаги в поэзии...

– В ваших стихах остро чувствуется взгляд и опыт художника:

«Там шёл ребёнок. В розовый загар легко окрасил горный медовар его плечо и лоб, осколки радуг цвели в глазах и голубела тень под нежным подбородком - в знойный день...»

– Настоящий живописный портрет красками-словами. Скажите, конкурируют ли два разных вида искусства – скульптура и поэзия – за право занять ваше время, или такого не бывает?

– Практически нет. Можно говорить, скорее, о некоей переменной по времени волне интереса-тяготения к слову или глине в процессе жизни. Кроме того, преподавание рисунка в Строгановке и школе-студии МХАТ придаёт творчеству достаточно устойчивую цикличность. Лето, время студенческих каникул, пора разъездов – преимущественно «сезон стихов», ибо поэзия, требующая отрешённости и отсутствия суеты, не нуждается, однако, в инструментах и специальной студии. Скульптурой же я занимаюсь в мастерской в более «прохладные», наполненные движением, трудом и общением месяцы.

Купальщица (бронза)

– «О, тайны ремесла! Счастливый тот словарь - гладилка, рог, шперак, протяжка ли, подсека...»

Стихи «Феникс», «Октябрь. Печники», «Кузница» поражают не только своей художественностью, но и глубокими знаниями описываемых профессий. Скульптор, печник, кузнец... И труд, и души этих людей открываются читателю во всех подробностях и неповторимой красоте. Когда читаешь, словно живёшь их жизнью... Откуда у вас такое знание разных ремёсел – наблюдали и изучали, или, может быть, вы постигали тайны этих профессий на практике?

Юдифь (бронза)

Лучница (бронза)

– Не открою секрета, если скажу, что годы студенчества, да и инженерства в ранге молодого специалиста – довольно скучное на материальные блага время. Мы с друзьями более пятнадцати лет в летние сезоны подрабатывали на сельских стройках плотниками, бетонщиками, каменщиками, монтажниками и т.п. – для поддержки спадающих штанов и укрепления семейного бюджета. Кроме того, мне доводилось работать с форматорами и сварщиками, в кузне и литейке... Я уж не говорю о работе в скульптурной мастерской. Следы этих опытов – в цикле стихов «Ремёсла».

– «...да сурово станки мои ждут окончания великой хандры...»

Поделитесь, есть ли у вас способы призвать вдохновение, или вы просто ждёте, когда оно само придёт? Что помогает, а что мешает творить? Чего в работе вы больше всего боитесь?

– Приятных или не очень забот и дел по жизни много, только успевай. Поэтому не форсирую событий и не призываю Музу. Она девушка своенравная, вряд ли ей понравится такая фривольность – может уйти и не появляться годами. Но зато когда возвращается – сердце ёкает, душа воспаляется и... можно творить. Для этого, правда, необходимы свободное время и уединённая келья. В работе ничего не боюсь – глаза боятся, руки делают... Впрочем, пожалуй, боюсь – наврать. Ощущение фальши – в звуке, слове, эмоции – мучительно...

– Ваши стихи насыщены деталями и красками, образы прорисованы ярко и тщательно. Долго ли вы работаете над каждым стихотворением? И как это происходит: сначала рождается идея, а потом

Утро (бронза)

Монолог. Портрет Высоцкого (бронза)

вы облакаете её в поэтическую форму, или первым делом приходят рифмы и свободные ассоциации?

– Работаю? В основе стиха для меня всегда лежит некое первоначальное переживание, потом ищешь строку, созвучную ему. Возникает тема – сочетание чувства и формального построения строки, зерно, из которого постепенно развивается росток. Иногда Создатель любезно подкидывает тему во сне или наяву в виде готовой строчки, и тут очень важно записать её, иначе улетит, как дикая птица.

Пишу медленно, как кирпичики кладу, – строю новый крохотный мир со звуками, цветом и запахами, совершенству его.

Долго сдаю стихи «под ключ» – вычищаю враньё и невнятицу...

Цельность, ясность и яркость образа – главная задача, которой подчинено всё. Чувствуешь себя волхвом, идущим по жизни и развешивающим на берёзах и осинах цветные миры фантазии.

Таня (бронза)

– Представленные на фотографиях скульптуры выполнены из бронзы, это ваш любимый материал? Почему?

– На то несколько причин, одна из них – плохая звукоизоляция подвала, где я работаю и постоянный «любезный» прессинг жителей дома – моих соседей по поводу стучания и шумоизвержения, так что с камнем, например, не очень поработаешь. Но немаловажен, конечно, и факт, что мне нравится пластика бронзы, позволяющая передавать довольно тонкие переживания души.

– Как изменяется ваше искусство со временем? Просто развивается само собой, или вы направляете это развитие, порой решая привести в него что-то другое, новое?

– Честно говоря, всё зависит от темы и образа. Они в основном определяют формальную структуру будущего создания, ну и, конечно, сердечные биоритмы автора, влияние на них всяких ярких событий, встреч и стихийных бедствий – любви, революций и извержений Везувиев...

Очень актуальное, познавательное интервью, построенное на доброжелательной беседе. Интересные вопросы, не менее интересные ответы. Я в полном восторге!

Лучница

Студёной дрожью, коброй ледяной волнение шевельнётся в подреберье и ускользнёт в низины живота с лентой...

И Лучница, скуласта и люта, хребет расправит с грацией пантерей и зазвенит тугою тетивой.

Угрюм и нетерпением томим, прищур зрачка полёт стрелы прочертит над скудным осятком солончака... Как дым пожаров, тварь пернатая дика, и жаден лук, таящий жало смерти над стрекотным безмолвием степным...

Рассвет жесток и яростен, и свеж – от горизонта в шорохе и свисте в степи летит табун по ковылям надежд. Мерещится опасность жеребцам, но ноздри рвутся в беге норовистом, в косматых гривах – воздух и мятеж.

Тамбовский часолов

В сонливости легчайших облаков, в оцепененье перистого стада, пастух ярился в белых небесах, трещал кузнечик – шалый вертопрах – в подсохших травах брошенного сада, и я листал тамбовский часослов, где август длился жарок и багров. Сквозь дым зеленоватой кисели, высокий осокорь – в сгущенье соков, с изрезанной морщинами корой – мерцал дремотно узкою листвою и простирали громады сучьев к стёклам. В окно моё столетние ручьи стекали водопадом с веток и

в жасминовую кипень ли, сирень пронизанного солнцем палисада... Там шёл ребёнок. В розовый загар легко окрасил горный медовар его плечо и лоб, осколки радуг цвели в глазах и голубела тень под нежным подбородком – в знойный день, как тонкую и хрупкую скудель, несла котёнка дочь, откинув локон. Дыхание над крохотным зверьём и бережные пальчики её мир делали не столь уж кособоким, не столь большим войной... Под птичью трель полудня чуть скрипела карусель:

В виолончельных жалобах пчелы на сквозняке покачивалась шляпа, в луче, светло целующем стекло, крыло соломки блёклое цвело узором золотистых крупных крапин, и свет, сходя на старые полы, их срез седой являл из полумглы. Тот древний деревянный манускрипт с причудливою строфикой прожилин хозяев добрым словом поминал, фамильный их храня инициал, – как трудно, но достойно жизнь прожили в любви – сквозя беды, голод, недосып... В тиши полудневной скрип... и скрип... и скрип...

В кофейне

Слоится дымчатый интим, грустит и плачет пианино, изогнут в вазочке бамбук, зелёным пламенем горя, клавиш течёт, неуловим, гарсон заказ несёт картинно. Ты пальчиками тонких рук меню листаешь, говоря:

“В воде витринного стекла бутылки синие, как рыбы, на стенах снежный лик Пьеро увяз в плетениях тряпич, бармен тронится в зеркалах и цедит кровь кофейной зыби”...

Цепочкой тонкой серебро стекает с худеньких ключиц.

Подпёрты спины прихотжан сквозной лозою венских стульев, у входа чёрный Минотавр качает шляпы на рогах. Восточный бронзовый кальян и шёлк народов саксаульных, и кофе, и зелёный лавр – всё будет жить в твоих холстах.

Всё будет петь и плакать всласть в горящем золоте акрила, ракушки глаз приемлют мир, в нас неземное вороша. О, красок медленная власть, кистей таинственная сила, твори, мой маленький факир, пусть плещет бабочкой душа.

Литературная студия “Анахну” г.Хайфа, Израиль

АБРАМ ЭЛЕНБОГЕН

Серебряный сон

Когда маячит жизни кромка
И нет спасенья от тоски,
Вдруг возникает Незнакомка,
Держа в руках бокал Аи.

Ко мне садится на колени
И начинает утешать.
Какие сладкие мгновенья!
Что это: явь иль наважденье,
Я не могу никак понять.

И серебрится тьма ночная
Тяжёлым лунным серебром.
Звеня браслетами, нагая,
Заходит Муза в спящий дом.

И вдохновения росинку
Вином стараюсь не залить.
Как в век Серебряный тропинку,
Свою тропинку-паутинку,
Сквозь дым мечтаний проложить?

ОЛЬГА ПИЛЬЩИК

Я растеряла все слова

Я растеряла все слова,
Во мне живёт одно молчанье.
И холод душу мне сковал.
Я замерла в плену печали.

Угас во мне любви огонь,
Искать я счастье перестала.
Я так устала от погонь,
Я так от дней пустых устала!

Но хоть надежда и мала,
А душу греет еле-еле.
И слышу я – колокола
За дальней далью мне запели...

ЛЕОНИД КОСТИНСКИЙ

Бабочка

Я вчера увидел в парке
На сосне рисунки ярких.
Срисовать его хотел.
Но сложились половинки
Удивительной картинки,
И рисунок улетел.

ИЗРАИЛЬ ХАЙФА

ЕЛЕНА ТЕКС

Вместо золота

Вместо золота – золотуха,
В сердце – пепел вместо огня...
И навязчивая, как муха,
Будоражит память меня.
В прошлом – времени бесконечность,
Нынче – пропасти пустота...
Где же вы, бывшая беспечность,
Ясность, чёткость, слов простота?
Что-то всё же случилось с нами,
День приходит суров и мглист,
И лежит ковром под ногами
Жизнь, свернувшись в пожухлый лист.

ГРИГОРИЙ ГОЗМАН

Рождение

В Светлый Мир открылась дверка,
Позади осталась мгла,
И сестричка-акушерка
Мне родиться помогла.

Вижу я себя кричащим
На младенческих весах,
Запелёнутым, лежащим
В тёплых маминых руках.

Так на Свет я появился
В установленный мне срок,
С удовольствием вцепился
В сладкий розовый сосок.

Спит младенец-недотрога,
Успокоен, сух и сыт.
Впереди – его дорога...
Что она ему сулит?

МАРИНА СИМКИНА

Дятел

Дятел, дятел!
Что ты – спятил?
Понапрасну долб, да долб!
Для чего ты лечишь столб?!
– Ты, дружок, слегка невежлив!
В щели здесь жуки разлезли.
Клюв мой долог и остёр –
Я не доктор, я монтёр!

МАРИЯ ФЕРДМАН

Марии Петровых

А женщина, рождённая в сорочке,
Напишет восхитительные строчки.
И музыка в строке её прольётся,
В душе созвучным эхом отзовется.
Среди забот, тревог и неуют
Слова приходят, как приходит утро
С теплом и светом после скорбной ночи,
К ней, избранной, пророчице пророчиц.
И пусть душа трепещет и страдает,
Волшебные слова к ней прилетают.
И, оживая, отразит бумага,
Как в жаркий день пустыне снится влага,
И стаю птиц, летящих вереницей –
Всё отразится на одной странице...
И удивит проставленная дата...
Прошло сто лет – а как звучит крылато!

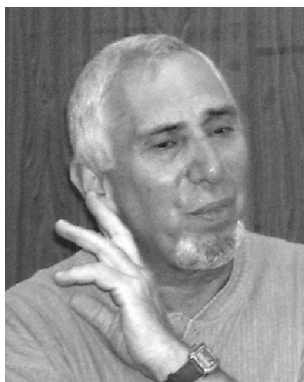

МИХАИЛ ЛЕВИН

Нет ни покаянья, ни прощенья.
В дебрях чувств живу я, как в лесу.
На росистой травке искушенья
Я свои желания пасу.

Пью рассвет, смакую шорох ночи,
Муравьиной тропкою брожу.
И следят спасительные очи
Неба, как живу я и дышу.

Никому не предъявляю счёта.
Не сужу, не славлю, и порой
В зеркалах я вижу облик чёрта
С нимбом над моею головой.

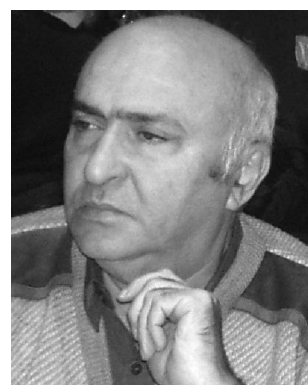
ЮРИЙ ЛЕЙДЕРМАН

Попробуй камни разбросать,
Когда наступит время.
Ты будешь на костре плясать
И у костра со всеми.

Освободившись от лихих
Побед и вечной скорби,
Найдёшь ли сокровенный стих
В своей дырявой торбе?

Начнёшь ли прошлое латать,
Наскучившись садами?
О, как же будет не хватать
Тебе былых страданий!

А смерть – за смертные грехи,
За этот мир щемящий,
Ей не нужны твои стихи,
Ей нужен ты – творящий.

МАРК ТВЕРСКОЙ

Картофель

В пюр, в мундире, отварной, печёный,
Я пятилетним знал уже почём он.
В озябшей почве голыми руками
Искал я клубни твёрдые, как камни.
Они скрывались в глубине борозд,
Их сделал сладковатыми мороз.
Бомбили немцы ближнее село.
Дорогу под ногами развезло.
Я с мамой шёл, а впереди сестра
И тётя Рива с нашего двора.
Я помню, на одной из тех дорог
Лежал в грязи покойник без сапог.
Какая-то старуха изрекла:
«Не бойтесь, мертвецы не имут зла».
Навстречу нам солдаты шли вразброд,
И кто-то пел, как мать сыночка ждёт.

ИРИНА ЯВЧУНОВСКАЯ

Канун Нового года в Хайфе

В преддверии праздника в воздухе зыбком
Играет надежда на маленькой скрипке.
И будто бы снег под ногами не тает,
Снежинки со звездами в вальсе летают.
Смешно, но не странно, что жарко, как летом,

А ёлки зажглись, не смущаясь при этом.
Ночь теплая, легкая – добрая фея –
Стремится сомненья и страхи развеять.
Мы стали детьми, от волненья робей,
Дверь в утро спешим отворить поскорее.

А утро приходит, как клоун без грима.
Походкой усталой в плаще пилигрима
Пройдет по земле, отдохнет у порога,
Посмотрит на мир безучастно и строго,
Стряхнет мишуру, все расставит умело,
Разбудит, заставит приняться за дело...

И все-таки в воздухе утреннем зыбком
Звучит еле слышно мелодия скрипки.

Творческое объединение «Керосиновая лампа». г.Красноярск

Юбилей газеты

9 декабря газете «Абаканский патриот», в которой я работал литературным консультантом, но ушёл на вольные хлеба, исполнилось 105 лет.

По этому поводу в актовом зале на первом этаже администрации Железнодорожного района было намечено юбилейное собрание.

— Приходи! — сказал мне по телефону редактор, — но на банкет не рассчитывай, сам понимаешь, финансовый кризис. Даже на газировку денег нет.

— Приду! — сказал я. — Обязательно приду!

При входе в актовый зал администрации на столике лежал свежий юбилейный, цветной многостраничный выпуск газеты.

— Вполне возможно, что этот номер последний, — сказал редактор, открывая торжественное собрание. — Ровно сто пять лет назад, когда верхи не могли жить по-новому, а низы не хотели жить по-старому, вышел в свет первый номер нашей революционной газеты «Абаканский патриот». Сто пять лет выходила она регулярно и была чуть ли не единственной ежедневной газетой в Сибири, да, пожалуй, и во всей России. И всегда она была востребована в силу своей злободневности, объективности и правдивости.

Не случайно её столетие мы отмечали в шикарном банкетном зале ресторана «Суриков». Это было время больших ожиданий. Приложением к газете выходили журналы «Сибирячка», «Сибирские разносолы», «Дачные посиделки».

И где всё это? Всё съел финансовый кризис!

Где коммунисты, которые стояли у колыбели нашей газеты?

Где демократы, которые хотели стать нашими спонсорами?

Вот и хочу я спросить в этот юбилейный вечер у собравшихся: кто виноват и что делать?

Где-то на подходе наш старейший сотрудник Анатолий Иванович Шатров. Ему тоже сто пять лет. Он видел живого Ленина, живого Сталина, пережил всех Генеральных секретарей, обещавших, что мы будем жить при коммунизме. И сказал, что если меня не введут на юбилей, то уж обязательно внесут... Может, он ответит.

— Не дадим умереть нашей любимой газете! — воскликнул взорвавшийся на сцену депутат Государственной думы, бывший директор образцово-показательного совхоза «Удачный», Герой социалистического труда Виктор Петрович Дорошенко. — В нашей замечательной Абаканской области, равной по территории трём Англиям, двум Франциям и четырём Германиям вместе взятым, проживает сейчас два с половиной миллиона человек. И если каждый из них пришлёт в редакцию по рублю, газета будет спасена!

Только не надо терять бодрости духа!

При социализме я всегда пел. У меня в совхозе был свой русский народный хор, исполнявший оптимистические песни, и поэтому совхоз всегда был в числе передовых. Об этом убедительно свидетельствует висящая у меня на груди Золотая медаль ВСХВ — Всесоюзной сельскохозяйственной выставки достижений народного хозяйства. Недаром в Москве реставрирована замечательная скульптура Мухиной «Рабочий и колхозница», которые держат над собой в вытянутых руках серп и молот и с уверенностью смотрят в будущее. Давайте я спою, вы мне подпоёте — и всё у нас будет хорошо!

— Слова Новеллы Матвеевой, музыка народная! — воскликнул оратор и запел а капелла:

«Земной советский молот /Упал на лунный серп. /Какие силы могут /Разрушить этот герб?»

Но, увидев, что никто ему не подпевает, смутился, закашлялся и быстро сошёл со сцены...

— Ну, уж я-то точно ни в чём не виноват! — прошептал сидевший справа от меня фотокорреспондент Вячеслав Краснов.

— Я всегда вовремя сдавал в печать свои репортажи.

— И я ни в чём не виноват! — прошептал сидевший слева заведующий отделом писем Артур Немков. — Я всегда вовремя делал обзоры, отвечая на вопросы трудящихся... И виноват лишь в том, что хочется мне выпить!

Мы сидели на последнем ряду, и нам было хорошо видно, что происходит в зале. Нас же никому видно не было. Поэтому я смело сказал:

— Отчего же не выпить? У меня в сумке есть бутылка азербайджанского коньяка и надёжный спутник журналиста, стакан.

— Так наливай, чего ты медлишь? — одновременно прошептали Артур и Вячеслав.

И через несколько минут нам стало хорошо. Лицо Артура покраснело. Глаза Вячеслава заблестели. У меня по жилочкам растекалась приятная истома.

А на сцене между тем творилось что-то очень телевизионное: вперемежку с газетчиками, ветеранами пера, выступали вокальные ансамбли.

Ансамбль «Сибириада», парней-лауреатов Сочинского фестиваля, исполнил песню «Люблю я родину и землю». При этом они так выразительно и задушевно, почти плача, кланялись до земли и клялись, что никогда не покинут эту землю, что верилось: да, будут земля есть, а нигуда не уедут.

Ансамбль «Алёнушки», девушек-лауреаток Алупкинского фестиваля, выбежал на сцену и сразу, как говорится, взял быка за рога, запев: «А я тебе не дам! А я тебе не дам, Милый мой, уехать от меня!».

При этом они так выразительно вращали всеми выпуклыми частями тела, что верилось: да, нигуда их милый не уедет.

Таким образом на сцене воплощалась созвучная названию газеты тема патриотизма.

И вот, как только Алупкинские лауреатки перестали петь, распахнулась дверь в зал, и перед нами предстал ведомый под руки Анатолий Иванович Шатров, стопятилетний ветеран газеты, очень похожий на Кошечку Бессмертного.

Участники торжественного мероприятия, охваченные неподдельным трепетным порывом, встали и захлопали в ладоши, пока Шатрова поднимали на сцену.

— Я долго говорить не буду, — сказал Шатров в микрофон, — потому что жена моя Пелагея Дмитриевна, провожая меня сюда, вложила мне в карман пиджака будильник и он зазвонит, как только

Николай Ерёмин

Родился 26 июля 1943 года в городе Свободном, Амурской области.

Окончил Медицинский институт в Красноярске и Литературный им. А.М.Горького в Москве. Член СП СССР с 1981 г. и Союза российских писателей с 1991г.

Автор книг прозы «Мифы про Абаканск», «Компромат», «Харакири», «Наука выживания», «Комната счастья». Три тома его собрания сочинений (издательство «Платина») включают в себя стихотворения, написанные в XX веке. В четвёртом томе — рассказы Поэтические книги: «Идея фикс», «Лунная ночь», «Поэт в законе», «Гусляр», «О тебе и обо мне», «На склоне лет», «Тайны творчества», «Бубен шамана», «От и до», «Кто виноват?», «Владыка слов», «Гора любви», «В сторону вечности», «Папа русский», «Тень бабочки и мотылька» изданы уже в XXI веке.

Н.Н.Ерёмин — лауреат премии «Хинган». Дипломант конкурса «Песенное слово» им. Н.А.Некрасова. Творчество писателя изучается в 7 классе школ Красноярского края.

Не случайно его стихи «По Николаевке цветёт черёмуха», «Как много женщин молодых!», «Олимпийская медаль» и многие другие стали популярными в народе песнями.

В 2010-м году его произведения публиковались в журналах «День и ночь», «Новый Енисейский литератор», «Истоки», «Бийский вестник», «Вертикаль», «Провинциальный интеллигент», «Огни Кузбасса», «Русский берег»

Живёт в Красноярске.

я выйду за рамки регламента. А ведь я видел живого Ленина, живого Сталина, и могу многое вам рассказать о том, как делал революцию и пострадал за свои действия от тоталитарного режима, правдиво освещая незабываемые события на страницах газеты «Абаканский патриот». Но я ни о чём не жалею. Жизнь моя отдана газете, и отдана не зря. Патер — от слова отец. А кто такой патриот? Патриот — это человек, любящий своего отца, свою мать, свою родину и готовый за них отдать всё, что угодно, даже свою жизнь. Что мне и предстоит в скором времени сделать.

— Нет! — закричал сидевший справа от меня Вячеслав Краснов, — Живите ещё сто лет!

— Нет! Живите ещё сто пять лет! — закричал сидевший слева от меня Артур Немков.

Тут из кармана Шатрова заверещал будильник.

Шатров поднял его над головой и сказал:

— К сожалению, моё время истекло.

Все засмеялись, захлопали в ладоши, встали и, пока ветерана спускали со сцены, скандировали:

— Сто пять лет!

— Сто пять лет!

— Сто пять лет!

Мы опять приложились к бутылке с коньяком, и нам стало совсем хорошо.

Тем временем на сцену стали подниматься многочисленные спонсоры, желающие помочь газете в это непростое и трудное время. Редактор был счастлив.

Он принимал пакеты и поздравления, и в конце концов заявил во всеуслышание:

— Дорогие друзья! Мне только что позвонил Председатель Законодательного собрания и сообщил, что газета с января будущего года берётся на бюджетное финансирование, отдельной строкой, потому что «Абаканский патриот» это информационный бренд области. Проблема решена. И я приглашаю всех присутствующих перейти в ресторан «Суриков», что расположен неподалёку, и продолжить наше торжество за счёт администрации Железнодорожного района, на территории которого находится наша замечательная редакция.

В ресторане редактор произносил тосты, вручая каждому сотруднику газеты конверт с денежной премией.

Не забыл он и про меня и наградил горячей путёвкой в Карловы Вары, пожелав, чтобы я там в спокойной творческой обстановке написал историю газеты с момента её возникновения до сегодняшнего дня, и чтобы, вернувшись, смог издать книгу под названием «Абаканские патриоты». На что я, весёлый и хмельной, тут же выдал экспромт: «В борьбе за рабочее дело /Редакция много терпела! /И я говорю, не тая, /Что с ней потерпелся и я. /Сегодня газете — сто пять, /И с ней я душою опять! /И еду я в Карловы Вары /Писать для людей мемуары /В компании Карла и Клары, /Укравшей у Карла кораллы...»

Коллеги-журналисты чокались со мною, смеялись и говорили, что от всей души мне завидуют:

— Отдыхать будешь, а мы тут вкалывать, как папы Карлы!

Так что я уже в Карловых Варах, в санатории «Вржидло». За окном светит солнце. Я только что принял термальную ванну.

Пью «Бехеровку», запивая минеральной водой. И собираюсь писать мемуары. А по радио передают, что в прекрасном сибирском городе Абаканске 35 градусов мороза и детям разрешили не ходить в школу.

Николай ЕРЁМИН

Нина Шалыгина

Лауреат Всесоюзного телевизионного конкурса. До октября 2006 года жила в г. Зеленогорске. Более 37 лет (с января 1969 по октябрь 2006г) руководила городским музыкально-литературным объединением «Родники» на общественных началах. Имеет несколько правительственных наград. Отмечена Почётным знаком за заслуги перед городом.

Сейчас живёт в Красноярске, создаёт творческое объединение «Керосиновая лампа». Член Союза российских писателей с 2001 года.

Мне говорят:

Ну, ты тюфяк!

Скажи, ну разве можно так?

Буксует сердце,

Приступ жжет,

Ну а тюфяк? —

С одра встает!

— Куда? — кричат вослед врач.

Дверь запирают на ключи...

Тюфяк — в окно

Сквозь ставни вон...

Пройдет и через стражу

Он!

Я выдержу, я молоток!!!

Читай, читатель, между строк...

* * *

Душно мне, и сумерки в окошко

Лезут, как ничейные коты.

Залетели вслед с берез сережки.

Милый мой, Серёжка! Это — ты?

Это ты — из дальнего далёка,

Из вчерашних непонятных снов, —

После жизни непростых уроков

Снова намекаешь на любовь?

Четверть века пролетело лихо.

Это ль не заявка на любовь?

Что ж опять врывается, как вихорь,

В жизнь мою, не став моей судьбой?

МАТЕРИНСКОЕ

Лишь постарев,

Я поняла,

Что мама для меня

Жила,

Что правды чистое

Зерно

Мне в душу сеялось

Давно.

Она была к себе

Строга —

Сметала чести

Два стога,

Пытаясь овладеть

Судьбой,

Бывала жесткой

И прямой.

Она, мне подправляя

Путь,

Мешала вновь в кювет

Свернуть.

Да все читала мне

Ликбез.

Ну, а в меня вселялся

Бес —

Противоречия наглец,

На отговорки молодец...

Ах, если ум тот

Наперед,

Какой теперь

Во мне

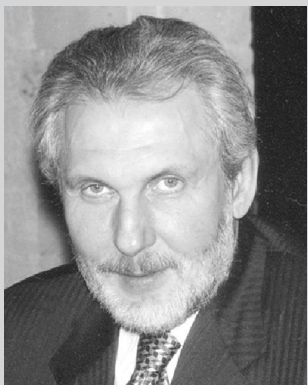
Живет!

Счастливой самую

Была б

И жизнь играючи

Прошла.

Сергей Аринчин

Первые публикации были сделаны в альманахе «Енисей», публиковался в красноярских газетах и журналах. Автор трёх книг: «За яблочным вином» (1992), «Джеликтукон» (1998), «Возвращение на Джеликтукон» (2003). Один из авторов поэтических сборников «Весенние ручьи» (2003), «Поэзия на Енисее 2006». Автор-исполнитель собственных песен.

**В твоих стихах твое читаю имя,
В них боль обиды, сладкий зов любви.
Я не молчу, я восхищаюсь ими,
И ты меня в молчанье не лови,**

**Ведь я с тобой, любимая, родная,
Здесь наша жизнь идет и наши дни.
Ты говоришь, что я тебя не знаю,
Поверь, что сердце мне тебя хранит,**

**Уютный запах, светлую улыбку
И теплоту твоих надежных рук.
Я проклиная каждую ошибку
И в памяти твоей их все сотру.**

**Ты говори, пусть я молчу повинно,
Я лишь откликнусь этим вот стихом,
Ведь мы с тобой, с тобой две половинки,
Дорогу жизни вместе мы пройдем.**

* * *

**Не луч, но лучше, но светлей,
И не заря, и не жар-птица
Цветет меж грозových полей,
Меж туч ночных цветет зарница.**

**Вот так в глухом теченье сна,
В теченье дня глухом, убогом
Бывает вдруг озарена
Душа прикосновеньем Бога.**

**И долго памятью живет
И ожиданьем встречи новой
Иной красоты, иных высот,
Что осветятся Божиим Словом.**

**Тогда, напраслину кляня,
Вернусь из тяготы сомненья.
Зарница Божья, на меня
Сойди, верни мне слух и зренье!**

Сергей Лыткин

Родился в 1953 году, живёт и работает в Красноярске. Член Союза журналистов России. Стихи печатались в альманахе «Енисей», в журнале «День и Ночь» и других изданиях, звучали по радио и на телевидении. Несколько поколений красноярских детей слышали написанные им песни к спектаклю «Золотой ключик» краевого Театра кукол.

**Опять аргши не за горами,
Олени съели все грибы.
И чум на солнечной поляне -
Как знак кочующей судьбы.**

**На кедрах созревают шишки,
Они растут за той горой,
И неумные мальчишки
За ними бегают гурьбой.**

**По мхам рассыпана брусника,
Как бисер, её час настал,
И женщины тропинкой дикой
За ней идут на перевал.**

**И только ты пасешь оленей,
Читая путь их по следам,
Пастух в девятом поколеньи,
А, впрочем, кто же их считал?..**

Русский джентльмен

Недавно умер поэт Александр Межиров, и во всех русских изданиях, выходящих в Нью-Йорке, появились статьи о нем. Авторы рассказывали о своих встречах с Межировым, или пересказывали гуляющие в интернете байки о его роскошной жизни успешного игрока. О том, как в восемнадцать лет он ушел на фронт, воевал и был ранен. Как он ездил по Москве на одном из первых мерседесов, как он играл ночи напролет и был в игре удачлив, очень, поэтому и не нуждался в благах, предоставляемых членам Союза писателей. Но тем не менее в Союзе состоял, сидел на многочисленных заседаниях и даже участвовал в работе каких-то комиссий, был награжден неоднократно, то есть полностью соответствовал времени в котором жил. Много публиковался, был признан властями, да и стихи писал хорошие, запоминающиеся. В нем играла долго та самая музыка, о которой он когда-то написал:

«Какая музыка была! Какая музыка играла, когда и души, и тела война проклятая попраля! Какая музыка во всём, всё и для всех — не по ранжиру! Осилит... Выстоит... Спасём... Ах, не до жиру — быть бы живу... Солдатам головы кружа, трёхрядка под накатом брёвен была нужней для блиндажа, чем для Германии Бетховен.»

Об этом писали в многочисленных мемориальных статьях, как писали и о том несчастном случае зимой 1988 года, когда ночью Межиров наехал на своем автомобиле на актера Юрия Гребенщикова (компания расходилась после поминания Высоцкого в день его рождения), и в каком-то затмении ума не оказал первую помощь, а напротив, оттащил пострадавшего в кусты и скрылся с места происшествия. Однако нашлась свидетельница, запомнившая номер машины. Жертва вскоре скончалась, а Межирова быстро нашли и нет, не посадили, но долго таскали по различным следствиям и разборкам. С этого момента, судя по многочисленным публикациям, музыка играть для него перестала. Разбирательства тянулись долго, и проступок этот, непонятный, как бы несвойственный ему, никак не забывался.

В 1994 году Межиров с женой перебрались в Америку и поселились в Нью Йорке. Пригодилось его еврейство, они получили статус беженцев, пособие по старости, а затем и маленькую социальную квартирку на Манхэттэне.

Почему я пишу о Межирове, что я могу добавить к потоку мемориальных статей? А вот что. Большинство меморабилий сопровождается авторскими комментариями о том, как он, автор, пытался в последние годы жизни поэта встретиться с Межировым, но не мог никак найти его адрес, или телефон... Мне в некотором смысле повезло. Я с Межировым говорила и даже смогла оказать ему полезной.

Случилось это году в 2004, поздним летом или ранней осенью, сейчас уже точно не вспомнить. Был выходной день, я сидела дома, смотрела телевизор. Зазвонил телефон, я сняла трубку. Это была Дженнифер из ветеринарной клиники, где я пользовалась своих котов.

Тут необходимо некоторое отступление, для полноты картины. Весной 2003 года умерла моя кошка Кузя, приехавшая вместе со мной с Украины. Я ужасно тосковала, искала какого-то кота, чтобы не было так пусто в доме и на душе, и нашла. Рыжий Симба уже полгода сидел в клетке в подвале маленько-

го приюта при ветеринарной клиники и ждал своей участи. Когда я пришла в этот приют, мне показали с десятков кошек, и все они прыгали на решетку, мяукали, тянули лапки: возьми меня! Симка был последний, кого мне показали — он забился в угол клетки и прикрывлся передними лапками, совершенно как если бы это сделала обнаженная женщина, которую застали врасплох. Это тронуло мое сердце, и я его взяла. Приютский персонал был так счастлив, что вместе с переименованным мною Симкой я получила кучу приданого — игрушки, постель, скребок для когтей и тп. Дома все пришлось выбросить, он даже смотреть на эти приютские дары не хотел. Надо заметить, что клиника эта находится на 67-ой улице в Манхэттэне, между Бродвеем и Амстердам-авеню, дорогое место.

Итак, мне позвонила девушка из регистратуры и сказала:

— Нина, не могли бы вы нам помочь? К нам пришел пожилой русский джентльмен, который не говорит по-английски, это доктор думает, что он русский, так не могли бы вы попытаться с ним объясниться?

— Ну конечно, — ответила я. — Дайте ему трубку.

В телефоне раздался голос старого, но еще полного сил мужчины:

— Здравствуйте, здравствуйте.
«Хороший русский язык, без акцента», — подумала я и спросила:

— Могли ли я Вам чем-то помочь?

— Да, помогите мне, пожалуйста. Я сюда пришел, а здесь никто не говорит по-русски, все говорят на каком-то непонятном языке и очень странно себя ведут.

— А зачем вы сюда пришли, у вас было какое-то к ним дело? Это ветеринарная клиника, может быть, у вас тут на лечении находится кот или собака?

— Да нет у меня никаких животных. Честно говоря, я не знаю, зачем я сюда пришел. Просто я шел по улице...

— Может быть, вы шли домой? Где Вы живете?

— Вы знаете, я не помню, где я живу. Как-то всегда помнил, но вот именно в эту минуту — не помню.

— А как Вас зовут, Вы помните?

— Да, конечно, а как же. Меня зовут Александр Петрович.

— А как Ваша фамилия, Александр Петрович?

— Межиров. Моя фамилия Межиров.

— Господи, так Вы же поэт Межиров? Что же это делается?! Вы же стихи писали, хорошие стихи, помните?

— А как же, помню, да, писал, — благодушно, с улыбкой ответил старик. Надо отметить, что все время нашей беседы он пребывал в хорошем настроении, был спокоен и, кажется, улыбался.

— Александр Петрович, у вас есть бумажник? Посмотрите в карманах?

Пауза, и через некоторое время снова голос в трубке:

— Да, вы знаете, у меня в кармане нашелся бумажник.

— Дайте, пожалуйста, трубку девушке в регистратуре, а потом и бумажник, она его Вам вернет, — попросила я, и затем, уже говоря с Дженнифер, сказала ей, — этот старик — знаменитый русский поэт, очень известный в России, и вот надо же, какое несчастье, память потерял! Посмотрите у него в бумажнике, там наверняка есть какое-нибудь удостоверение личности.

Нина Большакова

Родилась в Новосибирске. Детство провела в селе под Казанью, отрочество прошло в маленьком сибирском городке. Закончила Томский политехнический институт. По окончании работала в Донбассе, сначала в НИИ, потом преподавала. Кандидат экономических наук. В годы перестройки была депутатом городского совета. Сейчас живет в Нью-Йорке, работает бухгалтером и преподавателем. В 2004 году начала писать короткие рассказы. Публиковалась в газетах и журналах Нью-Йорка, Торонто, Сан Франциско, Москвы и др.

Финалист Второго Международного Фестиваля Литературы и Культуры «СЛАВЯНСКИЕ ТРАДИЦИИ-2010» в номинации «Малая Проза».

А сама я в это время лихорадочно листала телефонный справочник по Манхэттэну, как же они могли «проспелать» Межирова, ага, вот, нашла! Адрес на этой же улице, имя женское, возможно, семья?!

Через минуту Дженнифер сказала, что нашла в кошельке карточку с его именем, фотографией и адресом. Оказывается, русский джентльмен живет через дорогу, в доме номер 145, а номер клиники 140 по той же 67-й улице.

— Милая Дженнифер, пожалуйста, отвезите его домой! Я нашла номер телефона по этому адресу, сейчас попробую дозвониться, и если кто-то ответит, я Вам тут же перезвоню. Верните ему пока что бумажник и дайте мне его на минуточку, — и тут же, Александру Петровичу:

— Сейчас эта девушка поможет Вам добраться домой, идите с ней, не беспокойтесь ни о чем.

Я повесила трубку и тут же набрала номер из телефонной книги, ответил женский голос. Я спросила:

— Александр Петрович Межиров тут живет?

— Да, это мой муж, а кто его спрашивает?

Я объяснила ситуацию и Елена Афанасьевна сказала, что это уже не первый раз, что вот совсем недавно его не было дома три дня, а потом его привел полицейский, за ним не уследить никак, и поблагодарила меня за участие. Я ее успокоила, сказав, что мужа через несколько минут приведут, позвонила в клинику, и милая девушка Дженнифер отвела Александра Петровича домой.

Потом я звонила Елене Афанасьевне несколько раз, мы разговаривали, и она даже приглашала меня зайти, но всякий раз, когда я собиралась это сделать, что-то мешало: то Александр Петрович был нездоров, то они уезжали, то что-то происходил в их, как она мне объясняла, совсем маленькой квартирке. Так я его и не увидела. Ну ничего, все-таки поговорили. Царство ему небесное и вечный покой!

Юрий Бердан

Живет в Нью-Йорке. Автор трех книг художественной прозы и четырех сборников стихов. Призер и лауреат нескольких национальных и международных литературных конкурсов. Публикации в периодической прессе, «толстых» и «тонких» журналах, альманахах в России, Украине, Израиле, Германии, Австрии, Англии, США.

Про любовь с эстрады пел маэстро,
Рядом кресла. Профиль леди Ди...
Знал бы, на всю жизнь бы насмотрелся
На лицо и линию груди.

В черном чане знойный плов варился,
Май плескался в розовом вине...
Знал бы, на всю жизнь наговорился
Под густой чинарой в чайхане.

Буруны белели в темпе вальса,
Вечер камнем падал на корму...
Знал бы, на всю жизнь нацеловался
На исходе августа в Крыму...

ЗАВИСТЬ

Друг ходит в церковь, папа - в синагогу...
А мне не очень с этим повезло:
Не верю я ни в дьявола, ни в бога,
Ни в рай, ни в ад и даже в НЛО.

Не стану на колени в уголочке -
От вечности не жду я ни шиша...
В заштопанной врачами оболочке
Погаснет навсегда моя душа.

И будет вновь апрель - на ветках завязь,
Глаз, слов и звезд шальная круговерть...
Всю жизнь мою меня терзает зависть
Ко всем, кто уходя, не верит в смерть.

Все, что сберечь когда-то не смогли мы,
Пошло по миру, по чужим рукам...
Разбросаны родимые могилы
По разным странам и материкам.

И, переживший войны и цунами,
Пойму, над серым камнем наклонясь,
Что – никого меж вечностью и нами,
Когда уходят матери от нас.

Чуть прибавить шаг – и все иначе...
Свет притушен и стакан налит.
Все есть, вроде: дом с бассейном, дача,
Долг семейный и радикулит.

Есть предатель-друг, дурные нервы,
Красный «ягуар» - кабриолет.
Есть жена с любовницей – две стервы
Кошка, сенбернар и пистолет.

Личный счет и сейф в надежном банке,
Плюс в солидном деле крупный пай.
Жизнь назад иду под утро с пьянки,
Троечник, прогульщик, шалопай.

Я беспечен, я здоров и молод!
Остальное – суета сует.
Впереди скользит сквозь снежный город
Женский острожный силуэт.

Фонари спросонок плятят зенки –
Черт, и тот не в силах разобрать:
Недотрога – строгие коленки,
Или заблудившаяся блядь...

В снежных снах я сладко-горько плачу
По тому, как в далях давних лет
Лишь прибавить шаг – и все иначе...
И на всякий случай - пистолет.

ВЕХИ

Так давным-давно, что просто – быть,
Вехи исторических коллизий.
Втоптан в рыжий камень, в снег и пыль
Лязг на фронт шагающих дивизий.

Смыло время выраженье лиц,
Блики глаз – зеленых карих, синих...
На перронах трепет белых птиц –
Девственность застиранных косынок.

Отзвуки, осколки, острова
Мертвых гимнов и забытых песен...
Из дивизий выросла трава,
А на месте девственности - плесень.

Затерялся бабушкин коралл,
Сгнил в сарае старый графский столик,
А медали-ордена украл
Родственник, стучач и алкоголик.

Замучили ветрами январь,
И тело бредит теплыми морями.
Слетать в Майями, что ли, дня на три,
Но что мне делать без нее в Майями?

Был тот шальной октябрь беспечно рыж,
И в окна месяц пиялился бесстыже.
Ей пустяки – на пару дней в Париж,
Но что ей делать без меня в Париже?

Граница между пламенем и льдом,
Пространство, где ни севера, ни юга...
И если есть другая жизнь потом,
Что делать нам в той жизни друг без друга?

Луна бродила за окошком,
Подобно желтому нулю.
В ладони взяв ее ладошку,
Я молвил хрипло: «Я вас лю...»

Жить без нее мне мало смысла,
Как без причала кораблю.
Луна споткнулась и зависла,
Я начал снова: «Я вас лю...»

Как молот, сердце застучало,
На горле страх стянул петлю...
Она ждала, ждала, молчала,
Потом сказала тихо: «...блю».

ЦИРК

День июньский плыл к закату
Через тучи, напролом.
Шла девчонка по канату
В детстве радостном моем.

Летний вечер, желтый купол,
Акробаты, клоун, слон...
У меня полнейший ступор –
Я четвертый раз влюблен.

Я влюблен в канат и бантик,
В прядь на лбу, в кульбит, в петлю.
Марь Петровну и двух Катек -
Больше их я не люблю.

Я сижу-гляжу по блату:
Тетя Вера – билетер.
Нет девчонки на канате,
Что-то белое на мате,
Мой сосед зашелся в мате
И рубахой пот утер.

Унесли в проход носилки...
Хоть канючит внучка: «Дед!»
С той поры, полсотни лет
Я ни разу не был в цирке...
Я уж лучше – на балет.

Ушла любовь. А мне ее не жалко.
Да что любовь! Теперь иной отсчет.
Уходит все! Ни холодно, ни жарко!
Сто раз умру – не попрошу: еще!

Мол, извини: не спелось, не успелось -
Сын не родился, не достроен дом...
Не попрошу! Сожму до хруста челюсть.
Что есть, то есть. Спасибо и на том.

Еще волнует женская походка,
И тело помнит губ последних вкус.
Уходит все... Ну что ж, проводим: водка,
Грибы, селедка. В общем, а ля русс!

Глядит луна бесстрастно, словно кошка,
И как века, над ночью облака...
Ушла любовь - и скатертью дорожка!
Уходит все! И наплевать! Пока...

Еще под кленом у литой ограды
Я жду ее в мерцанье фонарей...
Еще играет музыка с эстрады
В июньском парке юности моей.

Еще не встали с той скамейки в парке,
Не разошлись в безвестные края
Любовь моя - девчонка в желтой майке,
И рыжий мальчик – молодость моя.

Анатолий Буйлов

Поэт и прозаик, служил офицером в Военно-Морском Флоте; капитан 1 ранга в отставке, живёт под Ригой. Печатается с 1957 года. Автор книг стихов, в том числе: «Запас прочности»; «Стою над океаном»; «Нежность»; «Тревога»; «Русь распятая»; «Прикосновение к таинству» и др.. Является секретарём правления Союза писателей России, председатель Русской писательской организации Латвии, руководитель творческой мастерской «РУСЛЮ» (Русское слово в Латвии), лауреат международных премий им. В. С. Пикуля и Ф. М. Достоевского.

Здесь мнятся светлые былины,
И давние мои года,
И путь неугомонно длинный
Всегда манил меня сюда.
Судьбы тревожной повороты
Вокруг невидимой оси,
Вот строятся в былые роты
Святые воины Руси.
И в трудный час в решение важном
Есть старой жизни правота,
В воображении отважном
Всегда загадочней мечта.
И сила тайною безликой
Смушает новые дела...
И видится мне Русь великой,
Какою исстари была.

Как тихо и спокойно в доме,
И нет привычной суеты,
И фотокарточки в альбоме
От долголетия желты.
Когда-то были молодыми,
И жаль до слёз ушедших лет,
Представить всех теперь седыми
Ни силы нет, ни духа нет.
В почти неведомом волненье
Находится моя душа,
И разрушается сомненье,
Что жизнь лишь в прошлом хороша.
Но нет у старого порога
Мной не оплаканной земли,
Хоть прежняя опять дорога
В звянящей корчится пыли.

Мне кажется, что я замкну
Безумье адового круга,
Умершего так рано друга
Я к жизни снова не верну.
Ушёл он тихо в мир иной,
А я остался на пороге,
Нечасто радуясь в дороге
Неровной колее земной.
Мечтаю за двоих здесь я
Скромнее лишь предвосхищенье,
И за двоих здесь ощущение
Несовершенства бытия.

Ветер будто правда ласки
Из долины,
Вспоминаю детства сказки,
И былины.

Тронут душу снова строки
Древней дрожью,
Отвечают мне пророки
Снова ложью.
И колдует жизнь иная,
Сердцу плохо,
А вокруг как неземная
Суматоха.
День сегодня упрощённый,
Мало сини,
Но предвижу освящённый
Путь России.

Хлеб

Здесь что опять ни говори,
Неповторимый запах хлеба
Исходит от земли, и неба,
От яркой утренней зари.
В нём - сгусток славы и тревог,
В нём – жаркий труд и капли пота,
О том чрезмерная забота,
Что человек вновь сделать смог.
Хоть в годы новый смысл проник,
Устроен мир светло и мудро.
А над селом восходит утро,
И славен этот вечный миг.

На острие карандаша,
Сошёлся круг,
Кричит сейчас моя душа
От боли вдруг.
Полегче будет мне весной,
Трудна зима,
И сходит медленно со мной
Судьба с ума.
Смещаюсь странно в новизну,
Хоть робок свет,
И сердцем чую тишину,
Которой нет.

После бани

Словно сел в чужие сани
Я сегодня невзначай
И беспечно после бани
Пью душистый крепкий чай.
Пью уже вторую чашку
Золотой густой настой,
И рубашка нараспашку,
И беседы смысл простой.
Слаще времени течение,
И замедлен жизни бег,
Правды сказочней значенье
Если счастлив человек.
Свежесть лёгкая залива,
Веет ветер сквозь забор,
И плывёт неторопливо
Сладким дымом разговор,
Он сегодня нескончаем,
Словно тайны глубина,
Открываемся за чаем,
Верится, уже до дна.
А в саду большие груши
Тихо падают в траву,
Веру в вечность не нарушу,
Мысли друга не прерву.

Тихий океан

Вскипает даль... И волны велики,
И охает от грохота земля,
А вешки, как буддийские божки,
Кивают уходящим кораблям.
Бывает редко, но на день, на два
Затихнет он, меняя цвет и тон,
Потом, как будто кто-то виноват,
До стона ударяется в бетон.
Какая необузданность и ширь!
Порывом разудалым, горяча,
Несёт размахом сильным и большим
И шторм и солнце на своих плечах.